

ВЛАСОВА Е. А.
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ
В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ФИЛИАЛ»

Аннотация. В статье рассматриваются интертекстуальные стратегии, применяемые С. Довлатовым в повести «Филиал (Записки ведущего)». Фокус работы направлен на выявление межтекстовых диалогических связей в произведении писателя. Цель исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать то, как выполняется функция автоцитации. В процессе анализа повести делается вывод о том, что привлечение автоинтертекста происходит посредством системы персонажей из подсюжета.

Ключевые слова: интертекст, автоинтертекст, Сергей Довлатов, автоцитация, «Филиал».

VLASOVA E. A.
INTERTEXTUAL LAYERS
OF THE STORY "THE BRANCH" BY S. DOVLATOV

Abstract. The article discusses intertextual strategies used by the author S. Dovlatov in the story "The Branch". The study is focused on revealing the intertextual dialogical connections in the work of the writer. The study goal is to demonstrate how the mechanism of self-citation works in the literary work. The analysis shows that autointertext is implemented in the story through the characters of the subplot.

Keywords: intertext, autointertext, Sergei Dovlatov, self-citation, The Branch.

Анализ взаимодействия пушкинских и лермонтовских интертекстов в довлатовском тексте можно найти в работах О. В. Богдановой и Е. А. Власовой [1; 2]. Подробный анализ традиции русской классической литературы в довлатовских текстах прослеживается в работах Г. А. Доброзраковой [3; 4]. На протяжении последних двадцати лет были проведены исследования, посвященные исследованию в довлатовской прозе аллюзий на тексты Толстого [5], Достоевского [6], Чехова [7]. При этом проблема автоинтертекста осталась малоизученной.

Повесть «Филиал (Записки ведущего)» была написана в 1988 году в США и впервые опубликована в петербургском (ленинградском тогда) журнале «Звезда» [8]. По сюжету повести в Лос-Анжелесе собираются многочисленные российские эмигранты – философы, ученые, общественные деятели, священнослужители, литераторы.

Два подсюжета – «внешний», «общественный», собственно конференциальный, связанный с симпозиумом, и сюжет «внутренний», частный, повествующий о встрече героя-

рассказчика с его первой любовью, теперь тоже эмигранткой в финале повести остроумно и иронично, но вместе с тем мотивированно и убедительно соединяются.

Между тем едва ли не самую выразительную особенность повести «Филиал» составляет массивный пласт автоинтертекста, привлеченного писателем. В основе сюжета повести – международная конференция «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981 г., май), заметки о которой были подготовлены Довлатовым для «Нового американца» и опубликованы в «Синтаксисе» под названием «Литература продолжается» [9].

Интертекстуальная связь между двумя текстами – эссе «Литература продолжается» и повестью «Филиал» максимально эксплицирована. Однако «вторичная» актуализация «общественного подсюжета» происходит в рамках трансформации, художественного переосмысления и творческого дополнения.

По истечении ряда событийных обстоятельств название повести «Филиал» обретает сущностное наполнение. Для героя-рассказчика нахождение вне пределов *большой* родины воспринимается *малым* филиалом, который, однако, живет по тем же законам и традициям, руководствуется теми же привычками и принципами, что и в пределах оставленного отечества. Неслучайно для русских эмигрантов важнее другое: «Наша тема – Россия и ее будущее» [8, с. 8].

Однако, как и всегда у Довлатова, серьезные проблемы предстают в тексте в ироническом ключе. Потому вопрос о будущей (постперестроечной) судьбе России заявляется в повести своеобразно: «С прошлым все ясно. С настоящим – тем более: живем в эпоху динозавров. А вот насчет будущего есть разные мнения. Многие даже считают, что будущее наше, как у раков, – позади» [8, с. 8]. Последнее замечание немаловажно – будущее смыкается с прошлым, бытийный круг для героя (героев) Довлатова закольцовывается, выводя проблемы «малого сообщества» на всеобщий уровень, когда мифический допотопный образ «Ноева ковчега» [ibidem].

Так, по словам рассказчика: «Радио “Третья волна” <где герой работает> помещается на углу Сорок девятой и Лексингтон. Мы занимаем целый этаж гигантского небоскреба “Корвет”. Под нами – холл, кафе, табачный магазин, фотолаборатория» [8, с. 9]. Образ «Корвета» (как известно, в литературной традиции чаще всего разбойничье-пиратского судна) усиливает и развенчивает, дополняет и корректирует образ ветхозаветного «Ноева ковчега». Образы «двух охранников, белого и черного» [8, с. 9], стоящих при входе в здание, – в своей «диалектической противоположности» – акцентируют и углубляют мотив «каждой твари по паре».

Образ героя-рассказчика Далматова занимает в системе персонажей повести центральное, но (что еще более важно) срединное место¹, что необходимо для формирования «нейтральной» (объективной) точки зрения на литературные споры, разгорающиеся на симпозиуме «Новая Россия: варианты и альтернативы». По самооценке Далматова: «Среди эмигрантских писателей я занимаю какое-то место. Увы, далеко не первое. И, к счастью, не последнее. Я думаю, именно такое, откуда хорошо видно, что значит — настоящая литература» [8, с. 9]¹. Именно герои-литераторы становятся объектами (субъектами) журналистской и писательской рефлексии Далматова, и через их посредство интертекст выходит на передний план.

В эссе каждый из реальных участников симпозиума удостоивается небольшого фрагмента, в центре которого оказывается некая анекдотическая ситуация, произошедшая с героем². Отдельный эпизод-главочка назван, как правило, по имени доминирующего персонажа – «Дело Синявского» [9, с. 275], «Дезертир Лимонов» [9, с. 276], «В окопах Континента, или Малая земля Виктора Некрасова» [9, с. 280], тогда как в повести прочерчивается единый сюжет, скрепленный образом корреспондента «Третьей волны» Далматова, направленного радиоредакцией для подготовки репортажа. Обязательность присутствия Далматова среди участников симпозиума-конференции (в отличие от эссе, где корреспондент отправляется на конференцию по собственной воле) привносит элемент отстраненности (дистанцированности) героя от участников симпозиума «Новая Россия».

В повести градус художественного вымысла повышается, домысел констатирует уже первый повестийный эпизод, когда герой «Филиала» оказывается в Лос-Анжелесе. Если в эссе рассказчик сообщает (вероятно) достоверный факт о том, что из аэропорта до гостиницы он доехал на такси вместе с Виктором Перельманом, то в повести появляется «вымышленный» эпизод – когда водителем такси героя Далматова оказывается бывший заключенный из Устьвымлага, т.е. места службы Алиханова, героя «Зоны». Одна повесть Довлатова увязывается с другой, поддерживая мысль «записок надзирателя» о схожести жизни по обе стороны запретки и о ее абсурдизме и хаосе. Автоинтертекст обретает в эпизоде «двойственную» суть – «Филиал» оказывается связанным не только с эссе «Литература продолжается», но и с повестью «Зона» («Компромисс» и др.), расширяя границы корреспондентских обобщений.

Эпизод с писателем А. Д. Синявским в эссе носит название «Дело Синявского», эксплицируя (по сути интертекстуальную) аллюзию на «Дело Синявского и Даниэля» (1966 г.), на известный и шумный процесс, который состоялся над писателями-

¹ Герой Далматов – внештатный сотрудник радиостанции «Третья волна».

² О роли анекдота в тексте «Филиала» см.: [13, с. 21–23].

оппозиционерами Абрамом Терцем и Николаем Аржаном который, по существу, положил начало диссидентского движения в СССР.

Между тем в повести сообщение о присутствии Синявского на заседаниях вместе с женой М. В. Розановой разворачивается в игровой микросюжет, насквозь ироничный, причем Синявский выводится в повестийном тексте под другим именем и только однажды (в ретроспективе) упоминается под именем собственным³ [8, с. 28].

Художественный текст дает Довлатову бóльшую свободу – и характер уважаемого Синявского превращается в образ смешного Беякова: «Разместили нас в гостинице “Хилтон”. По одному человеку в номере. За исключением прозаика Беякова, которого неизменно сопровождает жена. Мотивируется это тем, что она должна записывать каждое его слово» [8, с. 20]. Восхищение умом (мыслями) Синявского, которое испытывал повествователь в эссе, сменилось иронией рассказчика в повести.

Возникает вопрос: отчего так радикально поменялась аксиология? почему один и тот же персонаж обрел совершенно иные коннотации?

Вероятнее всего, текст 1982 года, публицистический, нейтрально выдержанный подразумевал некоторую «защищенность» Довлатову-художнику от возможных нападков коллег-писателей⁴. Вероятно, на самом деле, задача художника Довлатова состояла в другом. Скорее всего, совмещение, соположение объективной тональности и художнического вымысла позволяло создать объективную картину, проявляющую многогранность характера каждого героя (человека). (Авто)интертекст приобретал для Довлатова степень писательской достоверности и художнической честности, настоящей непредвзятости, целью которой становилась возможность приоткрыть завесу над неоднозначностью человеческого характера⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Университетский научный журнал. Серия

³ «...в моей фонотеке есть даже звук поцелуя. Это исторический, вернее – доисторический поцелуй. Поскольку целуются – кто бы вы думали? – Максимов и Синявский. Запись была осуществлена в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. За некоторое время до исторического разрыва почвенников с либералами» [8, с. 28].

⁴ Хотя, как уже отмечалось, один только «Компромисс» свидетельствует, что у Довлатова это далеко не так.

⁵ Заметим, что в одном из эссе «на литературные темы» Довлатов характеризует Синявского таким образом: «Андрей Синявский <...> человек сложный, замкнутый и остроумный». Как видно из эпитетов, использованных автором, однозначности в характере Синявского для Довлатова действительно нет.

- «Филологические и исторические науки, искусствоведение». – 2018. – № 42. – С. 15–28.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Лермонтовский и постлермонтовский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Т 8. – № 2. – С. 129–140.
 3. Доброзракова Г. А. Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями русской литературы XIX – XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. – С. 77–80.
 4. Доброзракова Г. А. Сергей Довлатов: диалог с классиками и современниками: монография. – Самара: ИУНЛ ПГУТИ, 2011. – 172 с.
 5. Ким Хен Чон. Книга С. Д. Довлатова «Наши» и традиция семейного романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 20 с.
 6. Плотникова А. Г. Традиции русской классической литературы в творчестве С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 21 с.
 7. Власова Ю. Е. Жанровое своеобразие рассказов С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
 8. Довлатов С. Д. Филиал: Записки ведущего. – Звезда. – 1989. – № 10.
 9. Довлатов С. Д. Литература продолжается. Синтаксис. – Париж. – 1982. – № 10.
 10. Довлатов С. Д. Филиал: Записки ведущего // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 5–131.
 11. Довлатов С. Д. Литература продолжается // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 273–286.
 12. Довлатов С. Д. Из Америки с любовью. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 376–386.
 13. Черняхович А. С. О роли анекдота в прозе С. Довлатова (повесть «Филиал») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. Спец. выпуск. – 2007. – С. 21–23.